

М. Известия. 11/125.

Александр Моисси во второй свой приезд сыграл «Паря Эдиша» и «Привидения». Трагедия Софокла не включалась в репертуар первых его гастрелей в Москве прошлой весной (она отпала у нас 12 лет назад), а потому этот спектакль представлял исключительный интерес. И действительно: для полного познания о Моисси, как об исключительной артистической индивидуальности, роль Эдиша дана чрезвычайно много. Теперь, когда после Гамлета, Протасова и Освальда, Моисси показал Эдиша, мы уже можем раскрыть во всей полноте его сущность, как мастера сценических образов, всегда построенных в одном плане — в таком, который выражает вовсе не внутренний рисунок, даваемый Софоклом или Толстым, Шекспиром или Ибсенем, а лишь ничем не замаскированную индивидуальность самого актера. Эдиш-царь в изображении Моисси — это тот же Освальд Альвинг, трагедию обреченности которого он так потрясающе обнажает. Моисси — художник, призванный своим огромным искусством да почувствовать катастрофические разрушения старого европейского мира. Моисси современен в каждом движении, всегда изумляющем пластической своей законченностью, в каждой интонации, неизменно выражающей всю полноту его переживаний. Но это та современность разлагающейся цивилизации, которая так ярко контрастна нашей революционной культуре, нашему новому миру.

И, может быть, именно потому, что играет Моисси Эдиша не Софокла, а только Гофманшталя, подменившего монументальность простой и суровой античной трагедии, истеричностью декадентской драмы, сложной и запутаннейшей в своей сложности, — его Эдиш не поднимается на горные высоты подлинной героини. Эдиш Моисси меньше всего герой. Одежды и позы, в которых он играет, только сплюснут образ трагического актера, но не помогают раскрыть его сущность. Оно — не в природе артистической индивидуальности Моисси. Поэтому в лирике его Эдиша (лирикой подмешана им патетика роли): в стремительности его движений (незабываемый скачок за мечом, падение со стульев, и простертые руки слепого Эдиша), так же как в его рыданиях и в интимности всего его рисунка, узнаем Освальда Альвинга. Вот образ, наиболее четко и наиболее ясно выражающий индивидуальность Моисси. В этой роли он подражает, не будучи трагиком. В Освальде он являет все богатство своей театральной культуры. Самыми простыми средствами (в такой простоте продолженная трудность владения телом и жестом) он достигает предельной выразительности. Финальная сцена «Привидений» не только торжество возможного для театра реализма, но прежде всего, победа точнейшего артистизма, воплощенного удивительно гармонично между натурализмом клиники и условностью театра.

Надо отметить, что оба спектакля шли на этот раз в сравнительно приличном

ансамбле (Пашенная — Иокаста и Фру Альвинг, Гоголева — Регина, Абдулов — Энгстрем, Розен-Санин — Тирезий), и с несомненной режиссерской старательностью (постановщики, С. Ланской и В. Татлишев).

Однако, несмотря на полную доброжелательность, проявленную партнерами гастролера, кричащее несоответствие их стиля, — точнее сказать, отсутствия в них всякого стиля, — и их внутренней чуждости, — со стилем, тонким и вообще всей культурой Моисси чувствовалось на каждом шагу. И только в прощальном спектакле — в сценах из «Гамлета» и «Живого трупа», которые игрались с актерами Художественного театра, несколько сгладились рубезжи, отделяющие высокий артистизм Моисси от пошлого кустарничества московских партнеров, которым была бы весьма полезна дальнейшая совместная работа с Моисси. Но и для самого Моисси было бы весьма важно соприкоснуться потеснее с современным русским театром, живущим в атмосфере нового мира, для которого его великое мастерство, звучащее скорбными голосами распадающейся старой цивилизации, не может не быть признано упадочным.

ЮРИЙ СОБОЛЕВ.

Р. С. В заключение одно замечание, относящееся не к Моисси, а к дирекции актеатров, организовавшей его гастроль в Москве. Нельзя придумать ничего более чуждого, чем это устройство спектаклей Моисси в Большом театре, да еще на утренниках! Гастроли Моисси держались к тому же почти — что в смысле от публики: афиш, объявлений, анонсов и т. п. мы почти не выдали. Во всяком случае Моисси заслуживал лучшей организации его выступлений.

Ю. С.